

НАСЛЕДИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Eller Wayne

Эллер Вэйн

Наследие пророчества

«Автор»

2026

Вэйн Э.

Наследие пророчества / Э. Вэйн — «Автор», 2026

Когда-то древнее Древо Мира породило Магию, разделив людей на Слышащих и Молчащих. Легенда гласит, что однажды появится тот, кто изменит этот порядок. Эйдан давно не верит в легенды. После гибели прежних товарищей он привык идти один, пока на его пути не появляется Бьорн — юноша, мечтающий стать героем. Вскоре к ним присоединяются Линн, бывшая жрица, и Орис, изгнанный учёный. Обычное путешествие превращается в опасное расследование: исчезают люди, мёртвые возвращаются из прошлого, а следы таинственной силы ведут к Россу — городу последней Башни. Там Эйдану предстоит встретиться не только с древней тайной Магией, но и с собственным прошлым. Потому что иногда пророчество начинается не с избранного героя, а с тех, кто однажды решает остаться рядом.

© Вэйн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Легенда Семи Эпох	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эллер Вэйн

Наследие пророчества

Глава 1

Легенда Семи Эпох

На перекрёстке трёх старых дорог, там, где северный тракт спускался к болотам, восточный карабкался между серых каменных холмов, а южный тянулся через поля до самого горизонта, стояла деревня, которой на большинстве карт попросту не существовало. Её звали Серый Ручей, хотя никакого ручья, особенно серого, поблизости давно уже не было, и это несоответствие между названием и реальностью стало своего рода местной традицией — чем меньше правды оставалось в старых историях, тем бережнее их хранили. Старики утверждали, что когда-то, задолго до их рождения, через деревню действительно проходила широкая мутная вода, и после особенно сильного весеннего разлива она оставляла на камнях серый налёт, который не смывался годами, однако теперь от этого рассказа остались только две вещи: название и привычка местных говорить о прошлом так, словно оно случилось не с людьми, а с самим миром. В Сером Ручье вообще любили всё старое — старые стены, старые долги, старые обиды, — и в этом пристрастии к прошлому было что-то почти религиозное, потому что будущее здесь никогда не обещало ничего хорошего, а настоящее было слишком скудным, чтобы его обсуждать.

Серый Ручей не был красивым местом, хотя приезжие иногда находили в нём своеобразное очарование. Домики стояли слишком тесно, стены многих из них были залатаны досками, чужими кирпичами и даже кусками разобранных телег, крыши провисали под тяжестью старой соломы, а вдоль улиц после каждого дождя оставались глубокие лужи, в которых отражалось серое небо. На площади рос старый вяз, давно уже засохший сверху, но всё ещё упрямо выпускавший листья на одной кривой нижней ветке, и дети любили карабкаться по его корням, пока взрослые не видели, потому что корни эти были извилистыми и крепкими, как пальцы великана, и в них можно было представить себе целые крепости и подземные ходы. Здесь редко происходило что-нибудь действительно важное, а если происходило, то обычно люди узнавали об этом слишком поздно, потому что в Серый Ручей новости приходили вместе с торговцами, солдатами и случайными путниками и почти всегда оказывались уже наполовину перевёрнутыми, как рыба, которую не успели вовремя вытащить из сети. Местные давно привыкли к тому, что правда приходит к ним последней, и научились довольствоваться тем, что успевали пересказать друг другу до того, как она доберётся до их порогов.

Зато здесь умели слушать истории. В местной таверне «Старая Коряга» рассказы ценились почти так же высоко, как хороший эль, потому что за кружку можно было купить и то, и другое, а второе оставляло после себя гораздо более приятные мысли. Само здание таверны, построенное, по слухам, ещё до того, как Серый Ручей получил своё название, стояло на каменном фундаменте, который помнил времена, когда здесь ещё не было никаких дорог, и его толстые стены из тёмного, почти чёрного дерева впитали в себя столько дыма, пота и разговоров, что казались пропитанными самой историей. Путешественники приходили туда с дороги, стряхивали воду

с плащей, разматывали шарфы, ставили сапоги ближе к огню и спустя час уже не помнили, где заканчивалась правда и начиналось желание сделать свою собственную жизнь чуть интереснее. Один клялся, что видел на севере женщину, которая разговаривала с вороном и могла заставить его клевать врагов до смерти, другой утверждал, что служил в охране дворца и однажды лично видел корону из чёрного стекла, а третий рассказывал о подземном городе, где мёртвые якобы продолжали ходить по улицам, пока им не напоминали, что они мертвы. Никто не требовал доказательств, потому что в «Старой Коряге» уже давно установилось негласное правило: чем невероятнее история, тем охотнее её слушали, и это правило работало безотказно, как старый, но хорошо смазанный механизм.

Детям такие истории нравились особенно. Им не разрешали сидеть рядом со взрослыми столами допоздна, им говорили не повторять неприличные слова и не задавать лишних вопросов, но если в «Старой Коряге» появлялся рассказчик, дети всё равно находили способ оказаться поблизости, потому что любая сказка казалась важнее сна, даже если на следующий день нужно было вставать до рассвета и помогать родителям в поле. Они пробирались между столами, как маленькие тени, рассаживались на полу у очага, прятались за бочками и скамьями, и их глаза, широко раскрытые и жадные до чудес, следили за каждым движением рассказчика, словно он держал в руках не слова, а живых существ, которых можно было поймать и оставить себе навсегда. Старый Мерр прекрасно это знал и никогда не прогонял их. Он говорил, что слушатель должен сам прийти к рассказу, иначе половина волшебства пропадает, а когда трактирщик ворчал, что дети мешают взрослым разговаривать, только качал головой и отвечал, что взрослые всё равно говорят о скучном — о ценах на зерно, о войне на юге, о том, кто кому должен и кто кого обманул, — и что дети, по крайней мере, умеют удивляться, а это качество он ценил выше большинства взрослых добродетелей.

В тот вечер дождь начался ещё до заката и к ночи превратился в мелкое холодное упрямство, которое не ливнем обрушивалось с неба, а будто медленно просачивалось во все щели мира, заполняя собой каждую трещину, каждую впадину, каждое пустое пространство между словами и мыслями. Крыша таверны поскрипывала под потоками воды, как старый корабль, попавший в бурю, ставни дребезжали от ветра, и этот звук был похож на стук чьих-то костяных пальцев, пытающихся пробраться внутрь, дым из трубы то уходил вверх, то прижимался к стенам и затягивал двор сизым облаком, в котором утопали очертания соседних домов и деревьев. Внутри, наоборот, было жарко настолько, что у вошедших с улицы сразу запотевали волосы и брови, мокрая одежда начинала пахнуть ещё сильнее, а окна покрывались мутным налётом, скрывавшим от посетителей всё, кроме размытых пятен огней на соседних улицах, которые дрожали и расплывались, как воспоминания о чём-то, чего никогда не было. В воздухе смешивались запахи жареного мяса, лука, старого дерева, мокрой шерсти, дешёвого вина, терпкого эля и чего-то сладкого, что готовилось на кухне, хотя сам хозяин упорно называл это «особым пирогом», не соглашаясь объяснить, из чего он сделан, и это нежелание делиться рецептом давно стало частью местного фольклора, породив не меньше легенд, чем иные древние пророчества.

У очага было особеннолюдно. Дрова потрескивали, время от времени стреляли искрами, и трактирщик тут же раздражённо отодвигал ближайшие кружки подальше, чтобы горячая щепка не опалила гостей, потому что кружки были старыми и дорогими его сердцу, а гости — новыми и не всегда платёжеспособными. Два возчика за длинным столом играли в кости, споря о том, кто кому должен монету, и их голоса, хриплые и пьяные, перекрывали на время даже шум дождя, потому

что спор о деньгах — это единственный вид спора, который никогда не заканчивается миром. Трое торговцев обсуждали дорогу к югу и каждый по очереди убеждал остальных, что именно он знает короткий путь, хотя все трое прекрасно понимали, что короткий путь существует только в рассказах, а в реальности есть лишь длинный, ухабистый и опасный. Возле двери сидели четверо рабочих, которые уже достаточно выпили, чтобы говорить громко, но ещё недостаточно, чтобы начать драться, и их смех, грубый и заразительный, то и дело взрывался в углу, как маленький фейерверк. За самым дальним столом женщина с младенцем на руках качала ребёнка, пока её муж, не снимая мокрого плаща, молча смотрел в огонь, словно пытался понять, сколько ещё дождей выдержит крыша их дома, и в его глазах было столько усталости, что она казалась почти осязаемой, как ещё один слой тени в и без того тёмном углу.

На свободном пространстве возле камина тем временем устроились восемь детей. Кто-то сидел прямо на полу, поджав под себя ноги, кто-то забрался на низкую лавку и свесил босые пятки вниз, а самый маленький, которому едва исполнилось четыре года, сначала прятался за сестрой, но постепенно осмелел и теперь высывался вперёд при каждом особенно страшном слове, готовый в любой момент нырнуть обратно в безопасную тень её юбки. Старшая девочка, темноволосая и серьёзная, старалась выглядеть взрослой и терпеливо шёпотом одёргивала младших, хотя сама не хотела пропустить ни одного слова и её пальцы, сцепленные на коленях, выдавали напряжение, которое она так старательно скрывала. Мальчик с рыжими волосами и ободранными коленями то и дело подпрыгивал на месте, не в силах усидеть от нетерпения, а две девочки помладше, похожие как две капли воды, сидели, прижавшись друг к другу, и их глаза были одинаково круглыми и одинаково блестящими. Перед ними на низкой скамье сидел Старый Мерр, положив обе ладони на набалдашник тяжёлой трости, и в свете камина его лицо казалось высеченным из дерева: морщины собирались у глаз, тонкая борода терялась в тени, а один из уголков рта всё время поднимался, будто он знал какую-то шутку, которой не собирался делиться. Его трость, тёмная и гладкая от времени, была покрыта тонкой резьбой, которую почти невозможно было разглядеть в полумраке, но дети, сидевшие ближе всех, иногда замечали, как в глубине этих линий мелькают странные узоры, похожие на письма или на корни деревьев, и от этого трость казалась не просто палкой, а чем-то живым, что терпеливо ждёт своего часа.

— Ну что, — спросил Мерр, оглядывая детей, и его голос, низкий и скрипучий, как несмазанная дверь, разнёсся по затихшему залу, — на сегодня хватит историй или вы всё-таки готовы услышать ту, которую ваши родители надеялись от вас скрыть?

— Мама сказала, что ты всё выдумываешь, — немедленно отозвалась старшая девочка, и несколько детей захихикали, потому что это было смелее, чем спорить со взрослым напрямую, и в этом смехе была не только детская радость от чужой дерзости, но и что-то похожее на восхищение — ведь сказать такое старику, которого все уважали, могла только очень храбрая девочка или очень глупая.

Мерр наигранно оскорбился, приложил ладонь к груди и тяжело вздохнул.

— Твоя мама говорит разумные вещи, девочка. Особенно когда не хочет, чтобы я учил тебя думать.

— А вы разве не врёте?

— Конечно, — без тени смущения ответил он. — Но хорошие истории не обязаны быть правдой, чтобы однажды оказаться важнее правды.

Среди взрослых кто-то усмехнулся, но уже через несколько секунд разговоры снова стихли, потому что Мерр поставил трость между коленями, подался ближе к огню и переменил выражение лица. Шутливая морщинка у губ исчезла, глаза стали внимательными и неожиданно серьёзными, а голос опустился настолько, что детям пришлось придвинуться ближе, чтобы не пропустить начало. Он смотрел на них так, словно собирался доверить не сказку, а чужую тайну, случайно пережившую несколько поколений, и в этом взгляде было что-то, от чего даже самые непоседливые дети замерли на месте, забыв про свои ободранные колени и незажжённые свечи.

— До начала не было ничего, — произнёс он.

У самых дверей кто-то тихо каплянул, и где-то у стойки застучала поставленная на дерево кружка, но никто не обратил на это внимания, потому что голос старика уже захватил всех, как течение захватывает брошенную в воду щепку.

— Не было неба, не было земли, не было моря и не было огня, — продолжил Мерр, медленно перебирая пальцами по набалдашнику трости, и его пальцы, узловатые и тёмные, двигались по резьбе с такой осторожностью, словно он читал невидимые буквы. — Не было света, так как не было тьмы, и не было расстояния, потому что ещё не существовало места, откуда можно было бы уйти и куда можно было бы прийти. Не было времени, так как времени нечего было считать, и не было смерти, потому что никто не родился настолько раньше, чтобы однажды умереть. Не было даже одиночества, потому что одиночество появляется только тогда, когда ты знаешь, что рядом мог бы быть кто-то ещё, а знания тоже не существовало, ибо знание — это уже разделение, а разделения не было.

Он дал детям несколько секунд привыкнуть к этим словам, а затем едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке было что-то от человека, который знает, что сейчас скажет нечто, что изменит всё.

— Была только Тишина.

Один из мальчиков сразу поднял руку, но Мерр не дал ему заговорить.

— И не думайте, что это была холодная, мёртвая пустота. Тишина была тёплой, как утроба матери, и мягкой, как сон человека, которому впервые за много лет ничего не снится. В ней не было боли, страха и сожаления, потому что для всего этого нужен опыт, а никакого опыта ещё не существовало. Если бы вы оказались там, — он наклонился ближе, и его глаза, тёмные и глубокие, как колодцы, отразили пламя очага, — вы бы, наверное, решили, что это самое безопасное место в мире, и никогда бы не захотели уходить.

— А потом появился свет? — спросил младший мальчик, тот самый, что прятался за сестрой, и его голосок, тонкий и дрожащий, прозвучал в наступившей тишине громче, чем следовало.

— Нет, — ответил Мерр. — Всё началось не со света.

Он поднял указательный палец, и в этом жесте было столько значимости, что даже взрослые, стоявшие у стойки, перестали протирать кружки.

— Всё началось с желания.

Мальчик нахмурился, а рядом с ним девочка задумчиво посмотрела на огонь, и в её глазах, отражавших пляшущие языки пламени, было что-то взрослое, что-то, что появляется у детей, которые слишком рано узнали, что желания не всегда исполняются.

— С желания быть услышанным.

Мерр медленно вдохнул, и его грудь поднялась и опустилась под старой рубашкой, как волна на спокойной воде.

— Искра дрогнула, и Тишина вздохнула.

Он произнёс это почти шёпотом, и странным образом от тихой фразы стало неуютнее, чем если бы он закричал, потому что в шёпote было что-то интимное, что-то, что предназначалось не для всех, а для каждого в отдельности, и каждый, кто слышал эти слова, чувствовал, что они обращены именно к нему.

— Из этого вздоха родился Первый Камень, твёрдый, как воля, и Первая Вода, текущая, как мысль. Камень и Вода встретились, и никто не знает, что между ними произошло на самом деле, потому что тогда ещё не существовало ни языка, ни свидетелей, ни даже слова для того, что называется «встретиться». Но когда они переплелись, из их объятий поднялось Древо Мира.

Снаружи ударил гром, и несколько детей вздрогнули, однако Мерр даже не повернул головы, и в его неподвижности было что-то, что заставило детей почувствовать себя в безопасности, словно старик был не просто рассказчиком, а щитом между ними и всем страшным, что существовало в мире.

— Корнями Древо ушло в Тишину, чтобы не забыть, откуда всё пришло, ветвями пронзило Искру, чтобы помнить, зачем всё началось, а между корнями и ветвями, в самом центре ствола, забилося Сердце. Там, говорили древние, всё живое обрело голос. Не только люди, заметьте, — он поднял глаза на сидевших неподалёку взрослых, и в этом взгляде была не укоризна, а скорее напоминание, — но и камень, вода, ветер, огонь, трава и даже тени тех, кто однажды будет похоронен.

Старшая девочка нахмурилась, и на её лбу появилась тонкая морщинка, которая делала её похожей на маленькую старушку.

— Камни действительно могли говорить?

— Могут и сейчас.

— Тогда почему я их не слышу?

— Может быть, они считают тебя слишком болтливой.

Таверна отреагировала смехом, но Мерр не дал шутке разрушить настроение, и в его глазах, когда он снова посмотрел на детей, было что-то, что заставило их понять: это была не просто шутка, а предупреждение.

— И с появлением Сердца начались Эпохи, семь больших витков мира, семь способов, которыми живое пыталось понять самого себя, — продолжил он. — Только первые шесть записаны в книгах, потому что те, кто писал их, уже были уверены, что история закончилась. Они ошиблись.

Он провёл ладонью по воздуху, будто переворачивал невидимую страницу, и дети, затаив дыхание, следили за этим жестом, словно за движением волшебной палочки.

— Первая Эпоха называлась Каменной.

Его голос стал чуть ниже, и в нём появилась тяжесть, которая, казалось, давила на плечи всех, кто слушал.

— Тогда мир был тяжёлым и почти неподвижным. Люди рождались из скал, их кожа напоминала камень, а их голоса звучали как скрежет по граниту. Они не знали боли, так как не понимали, что такое рана, но не знали и радости, потому что для радости нужен выбор, а они не умели выбирать. Они существовали так, как существует гора: без жалобы, без надежды и без вопроса, зачем она стоит.

— И им не было скучно? — спросил рыжий мальчишка, тот самый, что не мог усидеть на месте, и его голос был полон искреннего недоумения.

— Для скуки нужно хотеть чего-нибудь другого, — ответил Мерр. — А они не хотели.

Он ненадолго замолчал, глядя на огонь, и в его глазах, отражавших пламя, было что-то, что делало его похожим на человека, который вспоминает не легенду, а собственную жизнь.

— Тогда Древо впервые пожалело своё творение. С одной из его ветвей упала капля смолы, которую древние называли Слезой Древа. Там, где она коснулась земли, появилась первая трава. А вместе с травой в мир пришла Магия.

Теперь уже замолчали даже взрослые, и в таверне стало так тихо, что слышно было, как за окном стучит дождь, и этот стук казался отбивкой времени, отсчитывающей мгновения до чего-то важного.

Эта часть легенды была всем знакома, но Мерр рассказывал её иначе, чем принято в храмовых книгах, и в его версии было что-то, что заставляло слушателей чувствовать себя не зрителями, а участниками.

— Магия не была заклинанием, не была огненной рукой и не была сияющим кругом, — сказал он. — Магия была языком, на котором говорил сам мир. Ветер мог предупредить путника о буре, вода могла помнить имя человека, который когда-то утонул в ней, кровь могла рассказать, где пролилась, а огонь мог различить того, кто пришёл греться, и того, кто пришёл сжечь дом. Люди слышали этот язык и решили, что если они его слышат, то должны принадлежать ему.

Мерр усмехнулся, и в этой усмешке была горечь, которую дети, возможно, не поняли, но взрослые почувствовали очень хорошо.

— Люди вообще часто путают возможность с правом.

И тогда началась Вторая Эпоха — Огненная.

Он рассказывал о ней дольше, чем о любой другой. О городах, которые строили на вершинах облаков, о мостах, которые держались в воздухе лишь на словах, о врачах, способных остановить кровь одним прикосновением, о кузнецах, заставлявших металл петь, и о воинах, которые умели видеть движение противника ещё до того, как тот сам решался сделать шаг. Дети слушали, раскрыв рты, а взрослые время от времени обменивались взглядами, потому что некоторые вещи, считавшиеся в старые времена сказками, люди в деревне знали уже по другим причинам: разрушенные фундаменты старых магических дорог всё ещё встречались на полях, а в лесах иногда находили камни, которые отказывались замерзнуть зимой, и эти камни, тёплые и странные на ощупь, были немymi свидетелями того, что легенда не так уж далека от правды.

— Но Магия никогда не была подарком, — сказал Мерр, когда рассказ достиг своей самой красивой части, и его голос, до этого наполненный красками и образами, стал сухим и жёстким, как старая корка хлеба. — Она была долгом. За каждое пламя приходилось платить тенью, за каждую жизнь — какой-нибудь утратой, за каждое изменение мира — изменением самого себя. Только Слышащие не хотели этого слышать.

— Почему?

— Потому что человеку проще считать подарком то, за что он не сразу видит цену.

Мерр рассказал, как Древо разделило людей на Слышащих и Молчащих, как первые слышали голос мира, а вторые сохранили способность существовать без него, и как появился старый закон: «Слышащий ведёт, Молчащий строит, но никто не властен над Сердцем». Эта фраза вызвала у взрослых больше реакции, чем у детей. Кто-то тихо хмыкнул, одна женщина отвела взгляд, мужчина у двери сжал челюсть так, что на скулах заиграли желваки, а хозяин таверны несколько раз без

причины протёр и без того чистую деревянную стойку, словно пытаюсь стереть не грязь, а саму память об этих словах.

Мерр заметил всё это, но не стал комментировать, потому что понимал: некоторые вещи не нуждаются в комментариях, они сами по себе достаточно красноречивы.

— А потом пришла Стеклянная Эпоха, — сказал он, и его голос стал тише, как будто он боялся, что даже стены таверны могут услышать и запомнить эти слова.

— Слышащие поверили, что, если они могут слышать мир, значит, они имеют право им управлять. Они возвели Семь Башен, по одной на каждую большую ветвь Древа, и в каждой спрятали по осколку коры. С их помощью они хотели сделать невозможное: добраться до самой Тишины, которая существовала до мира, и заставить её отвечать на вопросы. Им казалось, что если узнать первый голос, то можно стать последним властелином всего остального.

— Получилось?

— Получилось хуже. В Башнях появилось Эхо.

На этот раз никто не засмеялся, и даже те, кто не слушал, теперь повернулись к старику, потому что в его голосе было что-то, от чего по спине пробежал холодок.

— Оно говорило со Слышащими их же голосами. Оно знало их страхи, потому что слышало их мысли. Оно знало их тайны, потому что человек чаще всего говорит о себе даже тогда, когда считает, что молчит. И самое страшное заключалось в том, что Эхо почти никогда не лгало.

Девочка тихо спросила, и её голос дрожал, как пламя свечи на ветру:

— А что оно говорило?

— То, чего человек больше всего не хотел слышать.

В комнате стало заметно тише, и даже дождь за окном, казалось, притих, чтобы не мешать этим словам.

— Некоторые Слышащие убили своих учеников. Некоторые отказались от собственных имён. Некоторые прыгнули с Башен, лишь бы больше никогда не слышать голос внутри головы. А потом стало ясно, что Эхо невозможно запереть обратно, и тогда Древо заговорило.

Старик выпрямился, и в его осанке появилась торжественность, которая делала его похожим на жреца или на судью.

— Оно произнесло Пророчество.

За столами перестали шевелиться. У одного из возчиков рука так и застыла над игровой костью, и кость эта, белая и гладкая, казалась в его пальцах чем-то чужим и неуместным. Женщина с ребёнком медленно подняла взгляд от огня, и в её глазах, усталых и глубоких, появилось что-то, что делало её похожей на человека, который вспомнил забытый сон. Даже те, кто делал вид, будто не слушает, теперь слушали очень внимательно, потому что в голосе старика была такая сила, что она заставляла слушать даже камни.

Мерр проговорил первые строки медленно, почти по словам, будто боялся произнести их неправильно, и его голос звучал в наступившей тишине, как колокол, раскачивающийся над спящим городом.

— «Когда седьмая башня падёт, а Слышащий узрит своё лицо в глазах Молчащего, явится тот, кто не носит имени, но носит Сон — не как отдых, а как оружие».

Он сделал паузу, и за окном дождь словно стал громче, и его стук, резкий и настойчивый, казался стуком чьих-то пальцев по стеклу.

— «Он будет плакать над водой, которую не может выпить, и смеяться над пеплом, который не может развеять. Ибо он пришёл не разрушать, но уравнивать — снять с Магии её голос, чтобы Камень вновь стал камнем, а Вода — водою».

Старший из слушавших мужчин нахмурился, и на его лице, обветренном и грубом, появилось выражение, которое бывает у людей, услышавших нечто, что их не касается, но всё же тревожит.

— Плохая сказка для детей.

— Тогда лучше поддержи детей подальше от истории, — сухо ответил Мерр, не поворачивая головы, и в его голосе было столько холода, что мужчина невольно отступил на полшага.

Кто-то усмехнулся, но напряжение никуда не делось, и в этой усмешке было больше нервозности, чем веселья.

— «Он будет отвергнут Слышащими, но оплакан Молчащими, ибо в его груди бьётся Сердце, изъеденное солью чужой вины», — продолжил старик. — «И когда он коснётся Сердца Древа, мир замрёт на миг — и в этом замирании каждый увидит себя таким, каким он был до первой Искры».

Мальчик у самого края лавки сглотнул, и его кадык дёрнулся, как у взрослого.

— А потом он спасёт мир?

Мерр смотрел на него слишком долго, и в этом взгляде было что-то, от чего мальчик почувствовал себя не ребёнком, а человеком, которому предстоит сделать выбор.

— А потом, — наконец сказал он, — либо мир проснётся, либо утонет в собственном вздохе.

За столом возле стены кто-то пробормотал ругательство, и кто-то другой тихо засмеялся, пытаясь снять напряжение, однако никто не спросил, зачем Древу понадобилось оставлять миру такое пророчество, потому что все и так знали ответ: Древо не оставляло пророчеств, оно оставляло предупреждения.

Мерр сам продолжил, потому что тишина, повисшая в таверне, была слишком тяжёлой, чтобы её можно было выдержать без слов.

Он рассказал о Железной Эпохе, когда Слышащие испугались собственных знаний и попробовали запретить Магию правилами. Они создали Орден Молота, чтобы карать тех, кто пользовался даром против воли Башен, и поставили в городах Подавители — кристаллы, которые гасили Магию так же легко, как порыв ветра гасит свечу. Они проверяли детей, следили за семьями и особенно боялись Сонных — тех, кто мог видеть Сны наяву и иногда просыпался уже знаящим то, чего никогда прежде не видел. Эти Сонные, по словам Мерра, были не просто изгоями, они были живым напоминанием о том, что мир не подчиняется правилам, которые для него придумали, и что Сердце Древа бьётся не по чьей-то указке, а по своему собственному ритму.

Затем была Травяная Эпоха, менее величественная и потому, пожалуй, самая важная из всех. Молчащие научились строить свою жизнь без магии. Они выращивали хлеб, обрабатывали землю, строили корабли, растили детей, влюблялись, старели и хоронили мёртвых, и постепенно в их сердцах зародилось не просто раздражение, а настоящее чувство несправедливости. Сначала они задавали вопросы, потом произносили их вслух, затем начали собираться по ночам, и наконец шёпот стал таким густым, что его уже нельзя было не услышать.

— Почему Древо разделило нас? — спросила женщина у очага, и это был уже не вопрос ребёнка, а человека, давно знающего, что у любой легенды есть политическая сторона, и что ответ на такой вопрос всегда важнее самого вопроса.

Мерр покосился на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хороший вопрос.

— А ответ?

— Плохой.

Несколько человек невольно улыбнулись, но улыбки эти были невесёлыми, потому что все понимали: старик говорит не о прошлом, а о настоящем.

— Потому что иногда люди ищут виноватого там, где виноватых не было, — продолжил он. — А иногда находят виноватых там, где все считают их невиновными.

Он говорил о нынешней эпохе осторожнее, потому что разговор уже не был сказкой о далёких временах, разрушенные Башни существовали в памяти некоторых людей, а Росс не был древним городом из песен: туда всё ещё ехали купцы, оттуда приходили приказы, а под его улицами, если верить слухам, до сих пор находился последний осколок Сердца. Одни утверждали, что тот, кто прикоснётся к нему, услышит голос Тишины и сможет переписать закон, другие шептали, что под Россом уже бродит Тень, которой нужна не Сила, а Прощение, и эти два слуха, противоречащие друг другу, существовали одновременно, как существуют одновременно надежда и страх в сердце человека, стоящего перед закрытой дверью.

Мерр долго смотрел в огонь, прежде чем произнести последние слова, и в его глазах, отражавших пламя, было что-то, что делало его похожим на человека, который видит будущее, но не может его изменить.

— И, наконец, Седьмая Эпоха.

Дети придвинулись ближе, и даже взрослые, стоявшие у стойки, сделали шаг вперёд.

— Та, которой нет в свитках, потому что свитки пишут те, кто думает, что история уже случилась. А Седьмая Эпоха пишется сейчас — кровью и слезами, на песке и на коже. Пророк не пришёл. Он уже здесь. Он не носит оков. Он сам выбрал свои цепи. Он не злодей и не герой, потому что такие слова слишком просты для человека, который хочет исправить мир ценой самого мира.

В таверне стало так тихо, что слышно было, как капли воды стекают с плащей возле двери, и этот звук, размеренный и настойчивый, казался отбивкой времени, которое уже не остановить.

— Он тот, кому Древо показало Сон о том, как мир плачет, — завершил Мерр. — И он решил, что лучше тишина, чем этот плач.

Никто не заговорил сразу. Дети смотрели на старика, ожидая продолжения, а взрослые смотрели каждый куда-то в свою сторону, словно вдруг вспомнили вещи, о которых не хотели думать. Кто-то смотрел на кружку, кто-то на мокрое окно, кто-то на огонь, и только человек в самом дальнем углу продолжал сидеть неподвижно, будто вся история не имела к нему никакого отношения.

Его звали Эйдан.

Он сидел там уже давно, настолько долго, что его присутствие постепенно стало частью таверны, как тёмная балка под потолком или щербатая каминная плита. На нём был потёртый кожаный доспех, поверх которого лежал тёмный плащ с несколькими заплатами, сапоги выглядели слишком тяжёлыми для мирного путешественника, а рядом со стулом стоял щит, покрытый множеством мелких царапин. Его меч лежал под столом так, чтобы до рукояти можно было дотянуться без лишнего движения, а у сапог скрывались маленькие ножи, о существовании которых большинство присутствующих не подозревало. Он не выглядел человеком, которого можно легко запомнить, и всё же его лицо почти невозможно было забыть, если посмотреть внимательно.

Глубокий шрам рассекал левую бровь, заставляя её чуть приподниматься, будто даже в покое Эйдан насмешливо смотрел на окружающих. Чёрные волосы были густыми, но седина уже пробилась на висках, а короткая борода была аккуратно подстрижена, слишком аккуратно для человека, который с виду давно перестал заботиться о большинстве вещей. Стальные серые глаза казались почти бесцветными в тени, и под ними лежали тяжёлые тени бессонных ночей, которые не могли скрыть даже отблески огня. Правая рука, от запястья до локтя, была покрыта старыми ожогами, и эти ожоги, неровные и тёмные, были похожи на карту какого-то чужого мира, мира, в котором боль стала географией. Эйдан не скрывал их. Он вообще многое делал так, будто намеренно отказывался от удобства, если удобство могло скрыть память.

Перед ним стояли три кружки. Две пустые. Одна почти полная. Он смотрел в неё, хотя давно уже не видел в ней ни пены, ни смысла. Алкоголь не помогал ему забывать. Он помогал не пытаться вспомнить. Разница была небольшой, но для Эйдана за последние годы она стала почти философией, потому что забыть — это активное действие, требующее силы, а не пытаться вспомнить — это просто позволить времени делать свою работу, медленно и безжалостно.

Когда Мерр заговорил о Пророке и Сне, Эйдан не поднял головы. Он просто почувствовал, как что-то неприятно сжалось под рёбрами, как будто внутри него, в самом центре груди, кто-то сжал кулак. Не от страха. Страх был слишком ясным чувством, а он давно предпочитал неясные. Тревога была хуже, потому что не имела формы. Она могла быть похожа на ощущение, когда просыпаешься ночью и ещё до того, как открыл глаза, понимаешь, что в комнате кто-то есть. Она могла напоминать боль в старой ране перед дождём. Она могла быть просто памятью, которой не хватило сил превратиться в сон. И иногда она звучала словами. Не надо.

Эйдан медленно сжал пальцы на кружке. Дерево хрустнуло под ладонью, и этот звук, тихий и резкий, прозвучал в наступившей тишине громче, чем следовало. Он ослабил хватку, но не сразу, а через несколько секунд, в течение которых его пальцы, побелевшие от напряжения, медленно возвращали себе цвет.

— Всё хорошо? — спросил из-за стойки трактирщик, и в его голосе было больше любопытства, чем заботы.

— Конечно.

— Ты кружку сломаешь.

Эйдан посмотрел на неё, словно действительно только сейчас заметил, и в его глазах, усталых и равнодушных, мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Жаль.

Трактирщик фыркнул.

— Она старше тебя.

— Тогда пусть порадуетя, что умрёт не в одиночестве.

За соседним столом кто-то прыснул со смеху, а трактирщик покачал головой, не решив, был ли это ответ или оскорбление. Эйдан уже не смотрел на него. Он снова слушал Мерра, хотя сам себе не мог объяснить зачем. Сон. Оружие. Сердце, изъеденное чужой виной. Слова цеплялись друг за друга в памяти, и от этого в груди становилось неприятно тесно, как будто там, внутри, было слишком много всего, и это всё не могло найти выход.

Когда-то давно он уже видел то, чему не должен был видеть. Он тогда не знал, что это имеет название. И уж тем более не знал, что этим можно сделать. Он думал, что сходит с ума. Иногда до сих пор думал. Потому что несколько лет назад его сны были просто снами. Потом перестали. Теперь там всегда кто-то ждал. Иногда лица

были знакомыми. Иногда — нет. Иногда он просто стоял посреди чёрного пространства и слышал голоса тех, чьи имена не произносил днём. Они ничего ему не приказывали. Не обвиняли. Не просили о помощи. От этого всё становилось ещё хуже, потому что Эйдану казалось, будто они уже не нуждаются в нём вообще.

Он потёр подбородок, и его пальцы, грубые и мозолистые, прошлись по короткой щетине, которая уже начинала превращаться в бороду.

Ещё один сон, и ты начнёшь верить в эти сказки.

Он не любил легенды. Особенно те, в которых пророчества исполнялись. Особенно те, в которых человек должен был что-то выбрать. Эйдан слишком хорошо знал цену выбора. Он знал её так, как знает кузнец жар горна, как знает моряк вкус соли, как знает солдат вес меча в руке перед боем. Выбор — это всегда потеря. Ты выбираешь одно, и теряешь другое, и нет никакой силы, никакой магии, никакого пророчества, которые могли бы это изменить.

— Хорошая история, — сказал кто-то рядом, и голос этот, хриплый и пьяный, вырвал Эйдана из его мыслей, как рука вырывает человека из воды.

Эйдан повернул голову. Соседний стол занимал мужчина лет пятидесяти, с красным от выпивки носом, длинными усами и жилетом такого цвета, будто он однажды решил, что красное делает человека моложе, и так и не передумал. Мужчина держал кружку обеими руками и смотрел на Эйдана с любопытством человека, которому скучно настолько, что чужая жизнь кажется неплохим развлечением.

— Особенно про Пророка, — добавил он. — Такие вещи всегда хорошо идут под пиво. Люди любят думать, что конец света случится не сегодня.

Эйдан лениво посмотрел на него, и в его взгляде, тяжёлом и равнодушном, не было ни интереса, ни враждебности, только усталость.

— Удобная мысль.

— А ты разве не любишь легенды?

— Я предпочитаю счета. Они хотя бы заканчиваются одинаково.

Мужчина хохотнул, и его смех, громкий и немного натужный, привлёк внимание нескольких человек за соседними столами.

— Ты не местный.

— Видимо, это настолько заметно.

— В Сером Ручье я всех знаю. Ты не из тех, кого я видел раньше. А ещё у тебя лицо человека, который либо много воевал, либо очень серьёзно ненавидит свою работу.

— И то и другое.

Сосед кивнул, словно ответ его удовлетворил, и в его глазах, мутных и любопытных, мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Солдат?

— Нет.

— Охотник?

— Иногда.

— Наёмник?

— Иногда.

— Тогда кто ты?

Эйдан отхлебнул из кружки, помедлил и ответил, и его голос, низкий и ровный, прозвучал в шуме таверны так, словно он говорил не с соседом, а с самим собой.

— Сегодня — пьяный человек, который хочет, чтобы его оставили в покое.

— А завтра?

— Завтра меня будет волновать завтра.

Мужчина усмехнулся и поднял ладони, показывая, что сдаётся, но в его усмешке было что-то, что говорило: он не верит ни одному слову, и это его забавляет.

— Ладно. Сдаюсь. Но имей в виду, если ты окажешься убийцей, я тебя запомню.

— Все так думают, пока не начинают забывать.

Сосед перестал улыбаться, и его лицо, красное и обветренное, вдруг стало серьёзным, как будто он увидел что-то, что не хотел видеть. Эйдан понял, что сказал лишнее. Он отвернулся, и в его памяти, как всегда неожиданно, всплыл обрывок другого стола. Другой комнаты. Другого вечера. Смех людей, которых больше нет. Чья-то ладонь, ударившая его по плечу. Звук заточаемого клинка. Запах горящего масла. Потом вспышка. Он закрыл глаза на секунду. Всего на секунду. И увидел чужое лицо. Обугленное. С пустыми глазами. Он снова открыл их. Таверна была на месте. Огонь горел. Дождь стучал по крыше. Кто-то смеялся. Мир продолжал существовать, несмотря на всё. Это всегда поражало его больше всего. Мир никогда не останавливался ради мёртвых. Он просто шёл дальше. Иногда Эйдану казалось это величайшей жестокостью из всех.

Когда Мерр произнёс слово «Росс», Эйдан наконец поднял голову. Город. Слово было простым. Обычным. Но память отреагировала слишком быстро. Не воспоминанием. Болью. Где-то глубоко, под старым ожогом, в груди возникло знакомое ощущение, будто тело вспомнило то, что разум предпочёл забыть. Он не знал почему. И это ему не понравилось.

— А кто, по-вашему, этот Пророк? — спросила у Мерра старшая девочка, и её голос, тонкий и настойчивый, прозвучал в наступившей тишине громче, чем следовало.

Эйдан снова посмотрел на старика. Тот на несколько секунд задумался, и в его глазах, тёмных и глубоких, мелькнуло что-то, что делало его похожим на человека, который знает ответ, но не уверен, что его стоит произносить.

— Это зависит от того, веришь ли ты, что Пророки рождаются.

— А разве не рождаются?

— Иногда они становятся.

— Как?

— Очень просто, — сказал Мерр. — Сначала человек теряет что-то, чего не может вернуть. Потом понимает, что мир не собирается ему за это ничего объяснять. Потом он начинает искать виноватого. А если ищет достаточно долго, однажды находит идею, которой можно оправдать всё остальное.

Эйдан медленно поставил кружку. Ему не нравилось, как старик говорит. Слишком точно. Слишком безжалостно. Будто не рассказывал легенду, а вспоминал чью-то биографию. Мерр вдруг посмотрел прямо на него. И Эйдану показалось, что старик знает. Что именно — он не понял. Но глаза Мерра на мгновение задержались на его правой руке. На ожогах. Эйдан инстинктивно убрал ладонь под край стола. Старик отвёл взгляд.

— А иногда, — продолжил он, — люди сами придумывают себе пророчество, потому что обычная жизнь кажется им слишком маленькой для той боли, которую они носят.

Эйдан больше не слушал. Он решил уйти. На улице было холодно, мокро и темно, но по крайней мере там его никто не пытался сделать персонажем древней легенды. Он уже потянулся к плащу, когда напротив него кто-то сел. Парень. Совсем молодой. На вид лет двадцать, может быть, чуть меньше, с широкими плечами и светлыми волосами, растрёпанными дождём. Он носил дешёвую кожаную броню, слишком новую, чтобы выглядеть надёжной, и плащ, который был явно рас-

считан на человека покрупнее. За плечом висел короткий топор, и Эйдану хватило одного взгляда, чтобы понять: юноша ещё не научился правильно распределять вес оружия. Он слишком крепко держал рукоять. Так держат то, чего боятся уронить.

— Можно? — спросил парень.

— Ты уже сел.

— Точно.

Парень улыбнулся, слегка смутившись, но не ушёл, и в его улыбке было что-то настолько открытое и простодушное, что Эйдан почувствовал что-то похожее на раздражение, потому что такие улыбки он давно считал роскошью, которую не может себе позволить.

— Тогда, наверное, спрашивать было бессмысленно.

— Полезное открытие.

— Меня зовут Бьорн.

Эйдан взглянул на него, и в его взгляде, тяжёлом и равнодушном, не было ни интереса, ни враждебности.

— Поздравляю.

— А тебя?

— Эйдан.

— Рад познакомиться.

— Это ещё неизвестно.

Бьорн тихо рассмеялся, и его смех, молодой и лёгкий, прозвучал в таверне, как ручей, пробившийся сквозь камни.

— У тебя странное чувство юмора.

— У меня вообще нет чувства юмора.

— Тогда мне страшно представить, что ты говоришь всерьёз.

Эйдан впервые за вечер почти улыбнулся. Почти. Бьорн заметил это и, кажется, решил, что добился маленькой победы, и в его глазах, светлых и наивных, мелькнуло что-то похожее на радость.

— Ты давно здесь?

— Достаточно.

— Путешествуешь?

— Иногда.

— Один?

— Видишь же.

— Может, ты ждёшь кого-нибудь.

— Тогда он очень опаздывает.

Бьорн посмотрел на щит, и его взгляд, любопытный и внимательный, задержался на царапинах, покрывавших металл, как морщины покрывают лицо старика.

— Внутри что-нибудь интересное написано?

Эйдан мгновенно стал серьёзнее, и в его глазах, только что почти тёплых, снова появился холод.

— Не трогай.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

Бьорн поднял кружку, которую принёс ему трактирщик, и в его движениях была та неуклюжая уверенность, которая бывает у молодых людей, ещё не знающих, что мир может сломать их в любой момент.

— Я просто подумал, что ты не похож на человека, который пишет имена ради красоты.

Несколько секунд Эйдан молчал, и в этой тишине было что-то, что заставило Бьорна почувствовать себя неловко, как будто он случайно коснулся чего-то, что не принадлежало ему.

— Ты слишком много замечаешь.

— А ты слишком много скрываешь.

— Полезная привычка.

— Для кого?

— Для того, кто хочет дожить до старости.

Бьорн покосился на него, и в его глазах, светлых и наивных, мелькнуло что-то похожее на вызов.

— А ты собираешься?

Эйдан посмотрел на парня. Вопрос был простым. Но почему-то попал глубже остальных, и в груди, где-то под старыми ожогами, что-то отозвалось болью. Он ничего не ответил. Бьорн тоже замолчал. Через несколько мгновений, будто почувствовав, что зашёл слишком далеко, он поднял кружку.

— За знакомство?

Эйдан посмотрел на неё, и в его взгляде, усталом и равнодушном, мелькнуло что-то похожее на сомнение.

— Плохой тост.

— Придумай лучше.

— За то, чтобы завтра не стало хуже.

Бьорн подумал, и на его лице, молодом и открытом, появилось выражение, которое бывает у человека, впервые задумавшегося о том, что завтра может быть хуже сегодня.

— А если станет?

— Тогда хотя бы сегодня мы выпили бесплатно.

Парень рассмеялся и стукнул кружкой о его кружку, и этот звук, звонкий и короткий, прозвучал в таверне, как обещание, которое никто не собирался выполнять.

— За это я и выпью.

Они сделали по глотку. Эйдан почувствовал, как тепло алкоголя растеклось вниз по горлу, но внутри ничего не изменилось, потому что внутри уже давно ничего не менялось, и тепло это было чужим, как чужими были все теплые чувства в этом мире.

Рядом дети спорили о Пророке, и их голоса, звонкие и взволнованные, казались странно неуместными в этой таверне, где взрослые говорили о войне, долгах и смерти.

— Он должен быть добрым! — уверенно сказала одна девочка, и в её голосе было столько убеждённости, что, казалось, она сама верит в то, что говорит.

— Нет, он должен быть страшным, — возразил мальчик, и в его голосе было что-то похожее на предвкушение.

— Почему?

— Потому что иначе никто не испугается.

— Может, он вообще не человек, — сказал кто-то из младших, и его голос, тонкий и дрожащий, прозвучал в этом споре, как голос разума.

Мерр усмехнулся.

— Может.

Эйдан посмотрел на детей. На их чистые лица. На то, как быстро они забывали страшное, стоит только услышать что-нибудь смешное. Он вдруг подумал, что

завидует им. Не знанию. Не наивности. Способности верить, что страшные истории заканчиваются вместе со словами. Его собственные никогда не заканчивались. Они просто меняли место. Иногда приходили ночью. Иногда сидели рядом в таверне. Иногда отражались в луже. Иногда смотрели на него из чужих глаз.

Эйдан ненадолго прикрыл веки, и в этой темноте, которую он создал сам, было что-то похожее на покой, но покой этот был обманчивым, потому что стоило ему расслабиться, как память тут же поднимала голову.

Только не сегодня.

Он не хотел снова видеть их. Ни одного. Но имя, которое он сам себе не произносил уже много месяцев, вдруг всплыло в памяти. Не потому, что кто-то сказал его. Просто так. Мейв. Следом — другое. Дерек. Потом третье. Бранн. Он резко вдохнул, и воздух, горячий и спёртый, обжёг ему горло.

Бьорн посмотрел на него, и в его глазах, светлых и внимательных, мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Ты в порядке?

— Да.

— Ты побледнел.

— Я всегда такой.

— Нет, не всегда.

Эйдан посмотрел на него с лёгким раздражением, и в его взгляде, тяжёлом и усталом, мелькнуло что-то похожее на предупреждение.

— Ты меня пять минут знаешь.

— А мне хватило.

Эйдан собирался ответить, но в этот момент в дверь постучали. Не как обычный посетитель. Три коротких удара. С паузой между ними. Разговоры в таверне постепенно затихли, и этот звук, размеренный и настойчивый, казался стуком чьего-то сердца, которое не собиралось останавливаться. Кто-то ещё продолжал бросать кости, но уже без прежнего азарта, и кости эти, белые и гладкие, падали на стол с глухим стуком, как маленькие гробы.

Трактирщик нахмурился.

— Кто там?

— Откройте, — раздался голос снаружи, и тон его был ровным и властным, как голос человека, привыкшего отдавать приказы.

— Кто?

— Орден Молота.

Несколько человек выпрямились. Один из возчиков тихо выругался, и его ругательство, хриплое и злое, прозвучало в наступившей тишине громче, чем следовало. Женщина с ребёнком на руках придвинулась ближе к мужу, и её пальцы, тонкие и бледные, вцепились в его рукав, как будто она боялась, что их разлучат. Трактирщик посмотрел на дверь так, будто ему очень хотелось сделать вид, что он ничего не слышал, и в его глазах, усталых и хитрых, мелькнуло что-то похожее на страх.

Четвёртый удар заставил ставни содрогнуться, и этот звук, резкий и настойчивый, прозвучал в таверне, как приговор.

— Откройте немедленно.

Дверь распахнулась, и внутрь, вместе с клубами холодного воздуха и запахом мокрой дороги, вошли трое. Их серые плащи были мокрыми до самых колен, а на груди каждого был изображён знак молота, перечёркивающего круг. Первый был высоким и худым, с коротко подстриженными волосами и лицом, которое выглядело слишком спокойным для человека, привыкшего входить в таверны с приказами

об аресте. Вторая была женщиной лет тридцати, широкоплечей и очень прямой, с коротким мечом на поясе и закрытым взглядом. Третий выглядел моложе обоих, но держался так напряжённо, словно ему хотелось доказать, что ему не страшно.

Старший снял с головы капюшон, и его лицо, худое и бледное, показалось в свете очага.

— Нам нужен человек.

Никто не ответил. Тишина в таверне стала такой густой, что её можно было резать ножом.

— Мужчина, — продолжил он. — Около тридцати лет. Тёмные волосы. Шрам над левой бровью.

У Эйдана внутри стало пусто. Слишком быстро. Слишком знакомо.

— Правая рука покрыта следами магического ожога.

Бьорн повернулся к Эйдану, и в его глазах, светлых и наивных, мелькнуло что-то похожее на страх.

Эйдан не смотрел на него. Он смотрел на стойку. На бутылки. На отражение огня в стекле. На собственное лицо в тёмной поверхности. И вдруг ему показалось, что за плечом его отражения стоит кто-то ещё. Силуэт. Высокий. Неподвижный. С закрытыми глазами. Эйдан моргнул. Никого. Он медленно опустил руку под стол. Пальцы легли на рукоять ножа, и металл, холодный и гладкий, показался ему единственным, что имеет смысл в этом мире.

— Как его зовут? — спросил трактирщик, стараясь говорить спокойно, и в его голосе, хриплом и напряжённом, было что-то похожее на надежду, что ответ будет другим.

— Эйдан Вейл.

Несколько людей повернули головы. Бьорн — тоже, и в его глазах, светлых и растерянных, было столько вопросов, что Эйдану стало трудно дышать. Эйдан медленно поднялся. Стул скрипнул, и этот звук, резкий и короткий, показался ему громче, чем должен был быть. Он вдруг услышал собственное дыхание. Почувствовал вес меча. Старые ожоги на руке словно начали гореть, хотя в помещении было жарко. В голове промелькнули обрывки того дня, который он старательно запирает где-то далеко: каменная стена, ослепительная вспышка, чужой крик, который оборвался слишком резко, и ощущение, будто внутри черепа кто-то ударил в колокол. Он моргнул, возвращаясь в таверну.

— Это я.

Старший Ордена сделал шаг вперёд, и в его движениях была та уверенность, которая бывает у человека, привыкшего, что его слова — это закон.

— Эйдан Вейл, вы обвиняетесь в незаконном использовании ментальной Магии.

— Обвиняюсь?

— Зафиксировано применение дара вне лицензии и вне контроля Ордена.

— Я никого не убивал.

Женщина из Ордена ответила первой, и её голос, низкий и ровный, прозвучал в наступившей тишине, как удар молота по наковальне.

— Мы этого и не утверждали.

Эйдан перевёл взгляд на неё, и в его глазах, серых и усталых, мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Тогда что вам нужно?

— Вы пройдёте с нами для допроса.

— А если не хочу?

— Тогда нам придётся применить силу.

Эйдан вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, что он показался старше своих лет.

— Всегда нравилось, как вы называете это выбором.

Старший достал свиток, и его пальцы, длинные и бледные, развернули бумагу с той аккуратностью, которая бывает у человека, привыкшего иметь дело с приказами и доносами.

— Пять лет назад на северной территории произошёл магический инцидент, повлёкший гибель нескольких человек. В центре происшествия было зафиксировано неизвестное ментальное поле.

Эйдан почувствовал, как внутри всё сжалось, как будто кто-то сжал его сердце в кулаке.

— Я не знаю, о чём вы.

Старший посмотрел ему прямо в глаза, и в его взгляде, спокойном и холодном, было что-то, что делало его похожим на человека, который знает больше, чем говорит.

— Зато я знаю.

И вдруг в голове Эйдана возник звук. Тихий. Почти нежный. Как вода, капающая на камень. Почему ты выжил? Эйдан сжал зубы. Не сейчас. Только не сейчас. Он посмотрел на людей Ордена. Посчитал. Три в помещении. Четыре снаружи, если верить привычке ставить караул у входа. И ещё один чуть дальше. Не из-за логики. Из-за ощущения. Он ненавидел это ощущение. Потому что слишком хорошо знал, откуда оно берётся.

Бьорн стоял рядом. Молодой. Напуганный. Невооружённый по-настоящему, несмотря на топор. Эйдан посмотрел на него, и на секунду в груди возникло неприятное чувство, слишком знакомое, как старая рана, которая ноет перед дождём. Когда-то рядом уже стоял кто-то, кому он приказал ждать. Когда-то он тоже верил, что успеет вернуться. От воспоминания стало трудно дышать.

— Сядь, — коротко сказал он Бьорну.

— Что?

— Просто сядь.

— Но я могу помочь.

— Нет.

— Эйдан...

— Сядь.

Бьорн подчинился, хотя по лицу было видно, что он ничего не понимает, и в его глазах, светлых и растерянных, было столько вопросов, что Эйдану стало стыдно, но стыд этот был где-то далеко, на дне, под слоями боли и усталости.

Эйдан медленно отстегнул один нож. Положил на стол. Второй. Третий. Снял меч с пояса, и металл, холодный и тяжёлый, показался ему чужим, как будто он держал в руках не своё оружие, а чужое. Снаружи несколько людей начали отходить к стенам, и их шаги, осторожные и размеренные, были слышны даже сквозь шум дождя. Старший Молота немного расслабился, и в его плечах, напряжённых и широких, появилась та уверенность, которая бывает у человека, считающего, что всё идёт по плану.

— Разумное решение .

Эйдан посмотрел на него, и в его глазах, серых и усталых, мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Не льсти себе.

В следующую секунду он ударил. Ладонью в горло. Старший захрипел и согнулся, и его лицо, спокойное и холодное, исказилось от боли. Женщина метнулась вперёд, но Эйдан уже шагнул в сторону, поймал её за запястье, развернул и отправил через стол, и она, тяжёлая и сильная, рухнула на пол, ломая скамью. Третий успел вытащить меч, но Эйдан бросил ему в лицо кружку, затем врезал плечом в грудь и выбил воздух из лёгких. Стол опрокинулся, посуда посыпалась на пол, кто-то закричал, дети у камина бросились к стене, а трактирщик с ужасом попытался одновременно спасти бутылки и собственную голову.

Эйдан двигался экономно. Без красивых жестов. Без лишней силы. Ударить. Сломать равновесие. Подсечь. Выбить оружие. Не дать противнику встать. Он дрался так, будто давно перестал относить бой к категории событий. Для него это было продолжением разговора. Просто другой вид языка, на котором он говорил лучше, чем на любом другом. Третий солдат поднялся первым, и Эйдан бросил ему в глаза горсть соли со стола. Тот вскрикнул, и через мгновение он уже лежал лицом в полу.

— Пять лет прошло, а ты всё ещё используешь этот приём, — пробормотал старший, прижимая руку к горлу, и в его голосе, хриплом и злом, было что-то похожее на уважение.

Эйдан застыл.

— Мы знакомы?

Старший ничего не ответил, и этого было достаточно, потому что молчание иногда говорит громче любых слов.

На улице послышался крик. Затем удар по двери. Потом второй, и этот звук, глухой и настойчивый, прозвучал в таверне, как стук чьего-то сердца, которое не собиралось останавливаться.

Бьорн резко поднялся.

— Их там ещё много?

Эйдан смотрел на вход, и в его глазах, серых и холодных, было что-то похожее на расчёт.

— Пятеро.

— Откуда ты знаешь?

Эйдан слишком поздно понял, что сказал вслух. Он перевёл взгляд на Бьорна, и в его глазах, светлых и растерянных, было столько вопросов, что Эйдану стало трудно дышать. Юноша ждал объяснения. Эйдану нечего было сказать. Не такого, которое можно произнести вслух. Потому что минуту назад он не просто догадался. Он увидел. На долю секунды чужими глазами. Мокрый двор. Серые плащи. Копья. Лошади. Пять фигур. И человека чуть дальше, стоящего у угла дома. Человек не двигался. Но смотрел прямо на Эйдана. Теперь, стоя внутри таверны, Эйдан всё ещё ощущал на себе этот взгляд. У него пересохло во рту.

Нет.

Он не позволил себе закончить мысль. Огонь в камине вдруг вспыхнул слишком ярко. Эйдан повернул голову. На мгновение пламя стало чёрным. Внутри него появилось лицо. Он не знал его. Бледное. С закрытыми глазами. С выражением почти спокойной улыбки. Эйдан застыл. Лицо открыло глаза. Он услышал голос прямо внутри головы. Не мужской. Не женский. Не человеческий.

Ты опять выжил.

Эйдан резко отвернулся. Огонь снова стал обычным. Кто-то кричал. Кто-то пытался выбраться через окно. Солдат Ордена поднимался с пола. Бьорн стоял рядом и не понимал, что происходит. Но Старый Мерр смотрел не на них. Он смот-

рел в огонь. И его лицо впервые за весь вечер не содержало ни тени улыбки. Он побледнел, медленно сжал пальцы на трости и прошептал:

— Седьмая Эпоха...

Эйдан услышал. Он не должен был слышать. Но услышал. Его взгляд встретился со взглядом старика. Мерр ничего больше не сказал. И именно это было хуже всего. Потому что Эйдан уже привык к людям, которые лгут, угрожают, приказывают и пытаются использовать чужую вину. Он привык к убийцам, к магам, к солдатам, к тем, кто улыбался перед ударом и к тем, кто плакал после него. Но он не привык к человеку, который смотрел на него так, словно увидел не незнакомца, а ответ на вопрос, который задавал слишком долго.

За дверью снова раздался удар. Дети плакали. Трактирщик кричал, чтобы никто не трогал бутылки возле огня. Бьорн сжимал свой топор так сильно, что побелели пальцы. И посреди всего этого Эйдан вдруг понял одну вещь, которая ему совершенно не понравилась. Эта ночь не случайна. Орден не случайно оказался здесь. Старый Мерр не случайно рассказал именно эту легенду. И встреча с Бьорном не была случайной тоже. Эйдан ненавидел такие мысли. Потому что судьба была всего лишь другим словом для вещей, которым человек не мог придумать объяснение.

Но хуже самой мысли было чувство, которое появилось следом. Надежда. Совсем маленькая. Настолько слабая, что её почти можно было принять за страх. И Эйдан понял, что боится сильнее, чем когда-либо за последние пять лет. Не смерти. Не Ордена. Не Магии. Он боялся, что если эта история действительно началась, то ему снова придётся сделать выбор. И на этот раз он уже не был уверен, что сможет выжить после него.

Он поднял меч. Посмотрел на Бьорна. Парень встретил его взгляд. — Что теперь?

Эйдан хотел сказать: «Уходи». Хотел сказать: «Ты меня не знаешь». Хотел сказать: «Это не твоя война». Но слова не вышли. Вместо этого он крепче сжал рукоять меча, и металл, холодный и тяжёлый, показался ему единственным, что имеет смысл в этом мире. Где-то очень глубоко внутри, там, где он годами запирает всё, чего не хотел чувствовать, что-то едва заметно шевельнулось. Не мысль. Не память. Сон. И вместе с ним пришло странное ощущение воды. Холодной. Глубокой. Не выпиваемой. Эйдан не понимал, почему именно это слово всплыло у него в голове. Но он вспомнил строчку из легенды. Он будет плакать над водой, которую не может выпить.

На мгновение ему стало трудно дышать. Потому что впервые за пять лет эта фраза показалась ему не частью древнего пророчества. Она показалась частью его собственной жизни. А значит, история, которую Старый Мерр рассказывал детям как сказку, могла начаться задолго до сегодняшней ночи. Возможно, задолго до того, как Эйдан услышал её впервые. И, возможно, его прошлое, которое он так старательно оставлял похороненным, уже поднималось из земли. Шаг за шагом. Человек за человеком. Вопрос за вопросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.